После встречи с Лукой, Елизавета начала понимать, что происходит в додзё. Она узнала о том, почему Софи остановилась в спортзале, и, честно говоря, она была сильно раздута после того, как узнала, что был составлен сумасшедший график тренировок, чтобы подготовить людей, желающих принять участие в предстоящих соревнованиях по боевым искусствам. Как только тренировка была упомянута, эта небольшая нестабильность, подпитывающая ее эмоции, вспыхнула обратно к жизни, и она горячо выразила свое намерение продержаться через это, каким бы ужасным это не оказалось.

Она заметила свой невротизм в реальном времени, но не смогла даже попытаться подавить накачанное чувство, которое у нее появилось, так как возбуждение от тренировок не должно быть плохим. Для ее "Квестов" и надвигающегося катаклизма было бы крайне глупо вырабатывать неприязнь к тренировкам.

После того, как она немного заставила себя стать частью тренировочной группы, она начала искать вопросы, которые мучили ее с тех пор, как она проснулась. Она повернулась к Атиду и сказала: "Скажите, что вы там довольно серьезно дрались". Не слишком ли экстремальны выстрелы и взрывы? Как будто... не будет ли полиция и общество в целом обеспокоены воинственными звуками, которые исходят из додзё?"

Опять же... Отсутствие у Элизабет понимания Боевого Мира, похоже, поколебало разум Атид, так как она должна быть знакома с чем-то настолько простым, верно? В любом случае, Лука ответил искренне. Когда он вытащил из пиджака несколько довольно мягких камешков, Лука терпеливо объяснил: "Видишь эти камни? Они снабжены надписями, как и ваше оружие... В любом случае, другой тип надписей, используемый для крупномасштабных иллюзий и сокрытия, был активирован в виде массива или формирования. Иллюзии создают впечатление, что здание работает нормально и обычно хорошо работает, чтобы отпугнуть обычных гражданских лиц от вторжения, когда происходят дела практикующих. В то время как укрытие является само по себе понятным; оно скрывает шум и вспышки любых текущих сражений".

"Ух ты!" Елизавета мало что знала о массивных образованиях, так как ее единственное воздействие на надписей заключалось в кузнечном деле и очаровании; и то, и другое было относительно маломасштабным применением этого искусства. Несмотря на то, что она обратила внимание на объяснение Луки, она не забыла проанализировать надписи на камешках, которые Лука показал ей.

Очевидно, что надписи были чудесными, но поскольку она знала только о чудесах пространства, времени и пространства-времени, то на камешке была слегка чужая и слабая надпись, части которой были буквально неразборчивы. Не будучи одним из тех, кто сдерживает ее любопытство, Елизавета спросила: "Скажи, что твоя галька делает?".

Лука ответил: "Хех... они довольно удобны для хранения журналов для моих пистолетов". Хотя это всего лишь одноразовый предмет, они делают его так, чтобы мне не приходилось носить с собой мешки с пулями и магазинами для моего оружия. Еще лучше то, что я могу это сделать..." Когда он закончил свое предложение, Лука активировал один из множества камешков, лежавших в его руках, с помощью Inner Strenght, и прежде чем Элизабет успела понять его движения, на один из пистолетов Луки был заряжен новый, полностью укомплектованный магазин, так как старый и пустой журнал появился там, где раньше стоял

камешек.

Когда Лука посмотрел на Элизабет, готовясь увидеть ее шок от того крутого трюка, который он показал с его ловкостью рук, он не ожидал, что она отреагирует так серьезно. Элизабет продолжала смотреть на пепел, оставшийся от надписей на камешке, активируя, как она сказала: "Подождите... Это нейтральные надписи?"

"Да? Какие еще надписи могут подойти для простого механизма хранения?" Лука ответил на это своим вопросом, так как Элизабет, возвращаясь, выглядела ужасно, и жалость ударила по нерву.

"Нет, это просто... неважно..." Элизабет быстро решила держать свои мысли при себе, так как она знала, что было бы чрезвычайно эгоистично для нее дать свои истинные мысли о том, что она только что обнаружила.

"Продолжайте, нам всем интересно, что заставляет вас так высоко думать о себе". Сначала это была пуля дяди Луки, а теперь даже его владельцы журналов каким-то образом вдохновили тебя на такие отвратительные выражения лица. Так что, пожалуйста, расскажите нам всем, что заставляет вас думать, что снаряжение дяди Луки такое ужасное". Звон колокольчика Софи зазвонил сзади, как Элизабет, когда ее настойчивые заявления привлекли внимание всех присутствующих.

На этот раз Лука ничего не сказал, чтобы сделать выговор Софи, как будто даже если бы он не был расстроен, он тоже хотел знать, что заставило Элизабет с таким презрением смотреть на его снаряжение. Атид знал, что это не его место, чтобы ругать Софи, так как ужасные выражения Элизабет действительно вызывали большое неуважение при рассмотрении ее ранга против ранга Луки, так что для Элизабет была создана сцена, чтобы объясниться.

К несчастью для всех присутствующих, Элизабет не была одной из тех, кто приукрашивал ее слова, намного меньше приукрашивала их, чтобы пощадить чувства или репутацию других. Таким образом, она начала говорить с этим лицом, выглядя так, как будто она умрет только от мысли о том, как ужасно оборудование, которое Лука показал ей, было. Элизабет сказала: "Хм, я просто думаю, что тот, кто сделал надписи, не знал, что они делали..."

"Ты можешь прочитать эти надписи?" Лука спросил, совсем не беспокоит жесткая критика Элизабет.

"Ну... вот в чём проблема... Они настолько плохо сконструированы, что я перепутал их с иностранными или высококачественными надписями". Пояснив, что на самом деле это нейтральные надписи, я понял, какими они должны быть, и могу только качать головой при такой ужасной технике...".

"О? Похоже, ты сам какой-то Надзиратель. Если ты утверждаешь, что надписи дяди настолько ужасны, то наверняка сможешь сделать лучше, да? Че! Лучше бы у тебя был способ доказать

свои слова, так как я не потерплю, чтобы кто-то оскорблял моего дядю!" Очевидно, что Софи смотрела во все стороны, чтобы побить Элизабет после их предыдущего противостояния. Естественно, она не упустила бы этот шанс, так как, по всем параметрам воображения, она на самом деле была в праве защищать Луку.

"Эта сука... Элизабет подумала, как она сказала: "Ладно, я просто пойду возьму кое-какое оборудование и докажу свои слова или что-то в этом роде..." Когда она уходила, она могла слышать звуковой насмешок, направленный на нее, как голос, волочащийся за ней, "Хахаха... не заставляй нас ждать слишком долго "Кей?" И тоже не думайте убегать... Хахаха..."

К этим очевидным насмешкам, Элизабет смеялась над собой, как над каким-то по-настоящему демоническим умыслом убийства, выплеснувшимся из ее в противном случае случайно ходящего тела. Никогда в жизни она не подвергалась таким издевательствам. Обычно, когда она ранее играла в многопользовательские или онлайн игры в интернете, она говорила о каком-то мусоре, но никогда в реальной жизни и в такой близости... Даже когда она уходила, волосы на тех, кто остался на спине, не могли не выпрямиться и не подняться. Ее пронзительный смех вызывал подергивания в тех, кто был слабее ее, и даже люди гораздо сильнее - такие, как Джейн, Атид и Лука - хмурились каждый по разным причинам.

Солнце и Софи отреагировали так, как будто они не могли обнаружить, что абиссальная атмосфера Элизабет проявилась. Один слишком беспокоился о ее благополучии, в то время как другой игнорировал давление, как будто это был просто очередной летний ветерок в середине дня.

По мере того, как Элизабет, наконец, оставила всех в поле зрения, и люди медленно начали восстанавливать нормальное состояние, у Элизабет во время прогулки был тяжелый момент с Р, так как она была насильно выведена из своего психотического оцепенения. Пи сказал: "Лучше сделай что-нибудь со своим отношением... Я имею в виду, мы оба знаем, что ты всё ещё новичок на социальной сцене. Но это отсутствие способностей, когда дело доходит до сокрытия своих мыслей и эмоций, снова и снова будет преследовать тебя, если ты не исправишь это".

"...я знаю, что ты прав. Просто эта сучка очень сильно пытается нажать на мои кнопки, и это расстраивает, зная, что она может легко победить меня". Элизабет знала, что Пи не просто выдумывает, и она не позволяла своему кислому настроению омрачать ее суждения. Скорее, она полностью понимала этот очевидный недостаток в своем характере, так как она начала всегда отслеживать свои эмоции и выражения после того, как поняла, что с ней происходят изменения. Ей просто нужно было немного больше времени, чтобы полностью адаптироваться и, надеюсь, стать хорошей скрывающей себя; эмоционально говорящей.

"Тогда не беспокойтесь о ней. Продолжайте тренироваться, и в конце концов, вы займете ее позицию в этой динамике силы. Тогда она будет разочарована и неспособна действовать..."

Элизабет вернулась в свою комнату, ее разум больше не живет на Софи или различные способы, которые она хотела бы, чтобы она могла унизить и или побить ее. Скорее, когда она пошла за ручкой с надписью из кузнечного комплекта, она обдумала методы своих Кредо волшебства. Она не обладала абсолютной уверенностью, когда дело сводилось к тому, чтобы

вернуться на первый этаж и доказать свою правоту, так как на самом деле ей ещё только предстоит творить и очаровывать. Тем не менее, она действительно обладала некоторой степенью уверенности, так как она получила некоторый опыт в обращении с надписями с тех пор, как она создавала пули. Более того, то, что она планировала сделать, даже не считалось устоявшимся очарованием от её Кредо.

Елизавета узнала после подтверждения того, что "хранилище журналов" Луки, как прозвала его Софи, состояло в том, что все надписи, которые составляли окончательное Очарование, были сделаны из чрезвычайно элементарных нейтральных надписей. Причина, по которой она не могла сразу сказать, заключалась в том, насколько ужасно они были реализованы. От их ориентации до многослойности… Елизавета могла поклясться, что дети могли бы придумать лучшие аппликации надписей, если бы они понимали основы, как она это делала со своего Символа веры.

http://tl.rulate.ru/book/27793/923025